

СЛУЖИТЬ ТЕАТРУ

Я не «Милорд» и не «Перец» — персонажи из спектакля «Как управлять женой», и потому никогда не узнаю прикосновения этих стремительных и, наверное, нежных пальцев. Примостившись в артистической уборной, не отрываясь, изумленно вижу, как «колдует» Александра Ивановна Строганова, художник-гример Новгородского областного театра драмы. В ее руках раскаленные щипцы. Несколько движений — и вот уже появились букли, странная для нашего века прическа. Но актер сидит в рубашке, отороченной кружевами, в атласных чулках с лентами и башмаках...

Характер эпохи не только в costume, прическе, но и самом лице... И вот оно, дерзко-насмешливое лицо Милорда (довольно неприятная процедура — наклеивать щегольские усики и бородку) будто проступает сквозь дымку давно минувшего времени.

...Таинство театра, оно почти непостижимо. Но многое становится ясным, когда читаешь и старые пожелтевшие, и новые программки. Сколько их, наверняка больше сотни, и на каждой автограф режиссера-постановщика в день премьеры. «Сердечно поздравляю с премьерой. Благодарю за помощь в создании внешнего вида жителям нашего дома» (спектакль «Дом»). «Нет ничего радостнее вложенного труда, который становится искусством. Спасибо за ваше искусство» («Мария Стюарт»). Но сущность работы четко выражена в этой надписи режиссера А. Кошелева: «Вас не видит зритель, но что он видел, если бы вас не было?» Сами по себе программки — это уже летопись театра и довольно выразительная. Всматриваюсь в даты: с 1952 по 81 год.

Александра Ивановна начинает говорить, и поразительно: она знает каждого актера, кому какой парик она сделала.

Ее хозяйство — в шкафах, где на полках в глазах рябит — фиолетовые, розовые, рыжие парики. Принудливые локоны, высоко взбитые прически — все сделано с величайшим терпением специальной иглой. Но этого мало, одного

терпения. Надо любить театр. Любить сцену, все время оставаясь за кулисами, любить ярко освещенную рампу, все время оставаясь там, куда почти не заглядывают зрители.

15-летней девочкой она с подругой, спрятавшись почти за кулисами, замороженно смотрела с колосников на сцену, видела только головы и все равно замирала от восторга. В Боровичах работал эвакуированный из Ленинграда театр оперетты. Так продолжалось до тех пор, пока девочки не обрушили вниз по

неосторожности какую-то палку. Их грозно повели к директору. И вот тут и решилась судьба Шурочки (которую потом так звали артисты). Тайком от отца она не пропускала ни одного спектакля, и ее «пристроили» в театре, чтоб беды не было. Никто не предполагал тогда, что робкая девочка с 16 лет будет на протяжении всей своей жизни — 40 лет — преданно служить театру, в нем и только в нем зная «одну, но пламенную страсть».

— Вскоре меня забрала к себе в помощники Инна Волкова, художник-гример Ленинградского Малого драматического театра, — рассказывает Александра Ивановна. — И начали выступать в Валдае — городе госпиталей. Спектакль Эжена Скриба «Стакан воды» ставили в 1944 г. в Ленинграде. Я его почти возненавидела: сколько же тут париков — у

королевы один, ее фаворитки другой, и слез было, и бессонных ночей. Вначале даже решила: «Сбегу, не справлюсь». Ночью приняла решение — остаться: ко мне так хорошо относятся. Однажды нужно было срочно уже в другом спектакле за одну ночь сделать новый парик. Зеленый ассоциируется с отрицательным героем, а он был иным. Я до рассвета делала нежно-голубой, отвечающий складу характера, сущности образа.

— Но теперь-то вы спокойнее...

— Наверное, это невозможно, — сказала Александра Ивановна, — вот теперь я часто вижу сон, будто играю, мне нужно через минуту-другую идти на сцену, а я... слова роли забыла. Это потому, что я живу спектаклем, образами, контуры которых вырисовываются в гримерной.

— Вы работаете строго по эскизам? — спросила, увидев стопку эскизов.

— И часто с ними несогласна. Я иду от внутреннего ощущения актером образа. В спектакле «Ретро» Чмутина играл Вячеслав Кривошеев. Он приходит и говорит, как мыслит играть, как видит своего героя — несчастный, потерявший опору под ногами. Я и добавляю — значит, небритый, запущенный, одним словом...

И так с каждым актером, который делится своими сомнениями, увлекает художни-

ка-гримера в поиск трактовки своего героя.

Я слушала Александру Ивановну и думала, но ведь этого мало, внутреннего ощущения героя, нужно еще и мастерство...

И оно складывалось годами. Его передал прекрасный художник-гример Ленинградского театра им. Пушкина А. А. Берсенев, у которого она училась в 1944 — 45 годах.

Все эти годы до работы в Новгородском театре — поездки по Ленинградской области, выступления у моряков Кронштадта.

Она отодвигает в сторону громадный ворох программ, но из него извлечена одна. Удивительно, что спустя десятилетия театр 80-х годов возвращается к спектаклям, которые ставились в 50-е: «Как управлять женой», «Оптимистическая трагедия»... С каким восторгом она говорит о заслуженной артистке РСФСР А. А. Мирзоевой, народном артисте РСФСР Н. И. Непокойчицком... И программки, и фото успели пожелтеть, но в памяти все свежо. И говорит Александра Ивановна немного сумбурно, настолько ей все хочется успеть рассказать. Все, что оборачивается словом «театр», для нее дорого, близко, неотделимо от ее жизни, ее сердца.

И именно это внутреннее волнение делало ее рассказ особенно выразительным.

Зашел в гримерную артист В. Г. Кривошеев задолго до того, как здесь наступает лихорадка перед спектаклем. Его мнение:

— 40 лет в одном и том же цехе — это, без преувеличения скажу, подвиг... Александра Ивановна — мастер портретного грима. Она мучается, когда не получается, и радуется вместе с нами. Приходит рано, задолго до спектакля... Беспокойный характер!

...Александра Ивановна шуточно водрузила себе розовый парик — и вмиг стала той совсем озорной девочкой, которая не раз выходила еще и играть, но неизменно возвращалась к себе, в гримерную.

Л. ХАНОВА.

НА СНИМКЕ: художник-гример Новгородского областного театра драмы А. И. Строганова.

Фото Г. Колесова.